

В родной гавани есть место не только Крыму

Андрей Сорокин

14 марта 2021

Семь лет назад в российском календаре завелась добрая традиция: торжественно отмечать в марте годовщину воссоединения с Крымом. За 30 лет после распада Союза это первый случай, когда в родной гавани не убыло, а прибыло. И до сих пор случай единственный. Формально.

По факту же Крым – действительно самый яркий, но одновременно исключительный, из ряда вон выходящий прецедент в нынешней практике «собираения русских земель». А она ведь есть. Называется «евразийская интеграция» и провозглашена приоритетом политики Путина еще в кампанию президентских выборов 2012 года. Поскольку с тех пор команды «отставить» не было – приоритетом и остается.

Казалось бы, с Евразийским союзом, который был буднично учрежден в 2015 году, тоже не всё гладко. Братские Казахстан и Белоруссия хронически путаются в многовекторностях, а братские Армения и Киргизия пульсируют от майдана до майдана, принося Москве больше головной боли, чем союзнического долга. Остальное ближнее зарубежье к нам вообще не сильно дружественно, а в особо клинических случаях даже враждебно.

Если считать, что реинтеграция – это восстановление российского государства в границах СССР, то да: как-то неудачно всё складывается, и в родную гавань вернулся один только Крым. Кроме него зависли в непризнаваемости Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье, Донбасс, да теперь еще и Карабах, по факту контролируемый российской армией. А все остальные так и плавают себе самостийно вдали от наших причалов.

На самом деле это ловушка незыблемой аксиомы, что Российская империя/СССР = историческая Россия. Так оно, конечно, и есть. Но это, вопреки правилам арифметики, не значит, что Российская Федерация = СССР. РФ сегодня – такое же суверенное государство, как и все признанные им суверенные государства по периметру постсоветских границ.

Однако вот вам следующий парадокс: в нынешней политике «собираения русских земель» Российская Федерация руководствуется ровно той же логикой, что и историческая Россия. Просто эта логика не догматична, а диалектична. Она была именно такой тысячу лет, и странно от нее теперь отказываться.

Россия ведь никогда не была империей в классическом западном понимании: Петр Великий так самоопределился ради красного словца и форсу державного, по европейской моде. Россия с самой своей ладожско-днепровской колыбели – государство именно союзное, интегрирующее разнородные земли и народы в единую цивилизационную сущность. Даже то, что завоевывали или отвоевывали у внешних конкурентов, не порабощали, а вливали в себя.

При этом практически все участники многовекового союзного строительства имеют исторический опыт собственной государственности: либо до присоединения, либо наработали его уже под российской крышей. Начиная... с самой России. Наша суверенная государственность появилась (точнее, возобновилась) в результате национально-освободительной борьбы глухой северо-западной провинции Орды. Борьба настолько задалась, что добившаяся независимости национальная окраина резво присоединила к себе остальную Орду и переименовала в Россию.

Показательно, что самую славную историю «внероссийской» государственности имеет Белоруссия, то есть Великое княжество Литовское (не путать с нынешним лимитрофом – прибалтийской провинцией Западной Руси эпохи расцвета). До самых первых Романовых между Великой и Белой Русью продолжалась геополитическая конкуренция – кто из них будет Россией, то есть евразийской сверхдержавой. В конце концов обе вместе и стали.

Удивительная и даже уникальная суть союзного строительства на пространстве исторической России в том, что самобытная национально-культурная государственность здесь не запрещена. Хотя бы потому, что это объективная данность – и глупо ее ломать. Более того: в исторической России всегда поощрялось развитие культуры государственности даже у тех народов, которые оказались союзными соотечественниками русских без собственного предыдущего опыта или перешли к России из состава других империй.

В этом нет какой-то мистической «православной толерантности». Скорее, именно эта «всеприимчивость» стала качеством русской государственной культуры ввиду объективных исторических данностей. Слишком неоднородные народы собрались на этом общем пространстве, не разделенном внутри естественными границами, чтобы их унифицировать. Даже осознанный единый знаменатель общих интересов – тоже сложносоставной, для каждого и в разные времена по-своему поворачивается. Вот он и есть забота союзного ядра, а «на местах» сподручнее, чтобы каждый народ по-своему управлялся. Так рациональнее.

Таким образом, под крышей русской культуры государственности складывались (обогащались, трансформировались) культуры государственности народов в составе России. И, повторяю, этому развитию «федеральный центр» не только, как правило, не препятствовал, но и по факту способствовал.

Это сложная саморазвивающаяся система. Она чревата естественными (а подчас и трагическими – вплоть до распада) кризисами, которые объективно требуют обновления механизмов союзного строительства. Знаменитый спор Ленина и Сталина столетней давности о модели СССР как раз об этом: сохранить интеграционную сущность, но при этом учесть в ней новое качество национально-государственных самоосознаний, естественным образом сложившееся к началу XX века под влиянием... русской же государственной культуры.

В этом отношении ленинский план СССР, хоть и оказался не без изъянов – естественное продолжение и развитие сложившейся веками практики Российской империи. И эта «атомная бомба» до сих пор остается на вооружении, верой и правдой служа делу нового воссоединения.

Нынешняя евразийская интеграция после кризиса уже конца XX века – прямой наследник именно ленинской идеологии «союза суверенных». И эволюционный шаг уже в ее развитии: нынче «право на самоопределение» возведено в степень требования государственной дееспособности. Других не берут в Союз.

Заметьте: запевалами евразийской интеграции, наряду с РФ, стали Казахстан и Белоруссия – те единственные постсоветские государства, которые оказались состоявшимися, не обнищавшими, способными на самостоятельную политику (не говоря о том, что всю эту историю с интеграцией вообще Назарбаев придумал).

Такой прагматичный подход упрощает общий знаменатель. Он сводится к очевидной экономической выгоде от общего рынка, не перегороженного таможами, от попытки восстановить элементы и цепочки производственных коопераций советского проекта, от единой системы военной безопасности. Разность же политических векторов как бы выводится за скобки. Теоретически.

А административное включение новых/старых территорий в состав РФ вовсе концепцией не предусмотрено. Хотя допускается, как исключение, в очевидно вынужденных обстоятельствах – отсюда и Крым в родной гавани.

Практически же у стран союзного ядра – ни у России, ни у Белоруссии, ни у Казахстана как у суверенных национальных государств – нет проверенной историческим опытом идеологии такой «купеческой» интеграции. Сборка происходит на ходу. Впрочем, как обычно: строить не ломать. 30 лет – это же только для личной биографии огромный срок, а для истории – мимолетный миг. Наша гавань где-то внутри него.

[Газета «Взгляд» от 14.03.2021 г.](#)